

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2016

ЕЛИЗАВЕТА
БУТА

АСЦЕНДЕНТ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ
ДИВЕРГЕНТА

Елизавета Михайловна Бута
Асцендент. Продолжение
истории дивергента
Серия «Главная кинопремьера 2016»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397936

*Асцендент. Продолжение истории дивергента / Е. Бута: Алгоритм;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-906842-98-5

Аннотация

Проект «Чикаго» провалился. Добро пожаловать в новый эксперимент. Несколько бывших эрудитов и лихачей отважились создать свой идеальный мир. Они разработали программу, способную вычислить и скорректировать будущее человека. Выбора больше нет. Прошрое помноженное на ДНК рождает будущее. Судьба каждого человека подсчитана и скорректирована. В дивном новом мире по достижении 16 лет на тебя надевают браслет, в котором записана вся твоя жизнь. Изменить что-то больше не под силу человеку. Во всяком случае, так считали. Рано или поздно должен было родиться человек, способный переписать правила игры. Ника Морган или Макс Линч. Кто-то из них развяжет войну, а кто-то научится изменять реальность и станет точкой восхода – Асцендентом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	22
Глава 2	32
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елизавета Бута

Асцендент. Продолжение истории дивергента

*Нередко, думая связать одни нити, человек
связывает другие.*

Виктор Гюго «Отверженные»

*Никто не знает силы своих способностей, пока
он не испытал их.*

Джон Локк

Пролог

Мир недолго просуществовал без фракций. Поначалу все наслаждались свободой, а потом люди потихоньку стали возвращаться к привычному укладу жизни. Дивергентов больше не было, равно как и не стало теста на принадлежность к определенной фракции. Симуляции запретили. Теперь люди вынуждены были добровольно примыкать к одной из пяти вроде как несуществующих фракций.

Свобода отравила их. Страсть к недозволенному вошла в моду. А под запретом была только одна вещь – симуляции. На том же месте, что и когда-то, вновь открылся тату-салон.

Внутри небольшой комнаты, стены которой были увешаны старыми эскизами татуировок, сидела девушка. Она до боли напоминала Тори. Тобиас долго собирался, чтобы прийти сюда. Он хотел сделать татуировку в память о той, что отдала жизнь за него, за них всех. Жертва оказалась напрасной, но признавать этого он не хотел. Бывший лихач ежедневно приходил к только что открывшемуся салону и подолгу наблюдал за тем, как работает мастер. То и дело начинало казаться, что в двери салона сейчас зашли его старые друзья или любимая девушка. Эти миражи казались слишком заманчивыми, чтобы отказаться от них.

Повсюду теперь стали открываться лавочки, организовывающие симуляции. Практически все неофиты боялись ошибиться с выбором фракции и хотели подпольно пройти тест. Самые нерешительные обычно следовали примеру родителей, а те, что посмелее, отправлялись в такие вот канторы. Вдобавок ко всему появились лихачи, жаждущие острых ощущений. Они хотели испытать себя.

Проект «Чикаго» провалился. Правительство окончательно махнуло рукой на тот хаос, в который превратился один из самых удачных экспериментов. Алекс Агарес был единственным человеком, которому все еще было интересно будущее города. Когда та смелая девушка устроила весь этот хаос, Алекс был за много тысяч километров от эпицентра событий. Он должен был вернуться к работе, но не успел. Возвращаться было уже некуда. Впрочем, его это не удиви-

ло. Агарес давно утратил эту способность. Удивление – удел молодых, а Алекс был уже слишком стар для этого нового дивного мира. Он помнил те времена, когда мир еще не был объят войнами и генетическими катастрофами. Во всяком случае, не настолько.

Агарес несколько раз поморгал и устало протер глаза, пытаясь отогнать от себя воспоминания. На экране монитора появилась фигура Тобиаса Итона. Тот наконец решился войти в двери тату-салона. Он поздоровался с девушкой и стал что-то рассказывать. Алекс Агарес и так прекрасно знал, зачем туда пришел Итон. Ученый убрал звук и откинулся на спинку обшарпанного кресла.

Все, что ему нужно, – дождаться нужного момента, чтобы вступить в игру. Он знал день и час, когда все начнется. Сейчас ему оставалось одно – ждать. Поскольку это весьма скучное занятие, Агарес с нездоровым интересом принялся изучать останки Чикаго. На экранах он то и дело видел знакомые лица тех, за кем они наблюдали все эти годы, и тех, с кем он работал. Жители города-эксперимента с упоением наслаждались свободой, которую им подарила та смелая девушка. Агарес знал, куда их заведет эта свобода. К сожалению...

* * *

Спустя четыре года после того, как Чикаго утратил свой

статус города-эксперимента, Алекс Агарес стоял перед новой стеной, обозначающей черту города. Тогда ее разрушили, а потом восстановили. В экологических целях, разумеется. Агарес нетерпеливо посмотрел на часы и поглубже вдохнул. Сейчас его бесконечно старые, утратившие всякое подобие цвета глаза светились азартом. Через несколько секунд начнется новая игра. Он уже знал, что победит. Ведь всегда выигрывает тот, кто придумал правила. Ему вспомнилось то, как в детстве он мог заранее просчитать, кто и когда победит за партией покера. Впоследствии его таланты приобрели куда более масштабный характер.

В этот момент раздался взрыв, и часть стены обрушилась. Все заволочло едким дымом. За оглушительным шумом последовал треск. Чудом удержавшиеся куски бетона падали и врезались в землю. Как и всегда бывает после взрыва, на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Первым в образовавшемся проеме показался парень лет двадцати с небольшим. Он был одет в черные джинсы и водолазку такого же цвета. Из-под ворота выглядывали татуировки. Неудивительно, что он появился первым. Лихачи неисправимы.

Парень заметил стоящего перед ним Агареса и застыл. Он не знал, что делать. То ли бежать, то ли просить о помощи. Вдалеке слышались выстрелы. Все-таки пришлось стряхнуть с себя оцепенение и подойти к Агаресу.

– Томас Пирр, – парень протянул руку.

– Томас Пирр, так Томас Пирр, хорошо хоть не Шейлин

Вудли, – пробормотал Агарес.

– Что? – не понял Пирр.

– Да ничего, актриса такая времен моей молодости, – пытаюсь заглушить грохот очередного обрушившегося куска бетона, прокричал Алекс.

В проеме показалась невзрачная девушка с брезгливо изогнутыми губами и пучком на голове. Ей помог выбраться чересчур худой парень с некрасивым, слишком грубым для эрудита лицом. Софи Рейвен и Руби Корса. Агарес четыре года за ними наблюдал. Вместе с Пирром они представляли собой взрывоопасную смесь. Интеллект, помноженный на бесстрашие и жажду власти. Софи и Руби помогли выбраться паре мальчишек лет десяти. Звуки выстрелов звучали уже угрожающе близко, а в проеме появлялись все новые люди. В общей сложности девять человек. Все эрудиты или дивергенты. Один Пирр из лихачей. Отчаявшиеся на побег беспомощно шурились, разглядывая то Агареса, то стоящий за ним вертолет.

Агарес с сомнением покосился на вертолет. Из этой компании его интересовали трое, остальные ему были не нужны. Мест на всех могло не хватить.

– Добро пожаловать в реальный мир, – прокричал Агарес. Его голос тонул в общем гуле. Звуки выстрелов стали чуть глуше. Чикаго играл в новую войну. Не стоило Эвелин возвращаться. Эта женщина начала новый раунд битвы за власть над городом. Результат этой войны даже Агаресу был

больше не интересен.

Кучка перепуганных беглецов с ужасом озиралась по сторонам. Выжженная земля, безо всякого намека на растительность, и руины бывшего места работы Алекса Агареса – вот и все, что они видели. Беглецы, конечно, хотели спросить о том, кто такой Алекс и почему он их ждет, но времени на долгие беседы у них не было. Еще три минуты – и шансов на жизнь у них не будет. Агарес это знал, ну а эрудиты предполагали. Алекс шутливо отвесил поклон и пригласил их в вертолет. Томас Пирр оглянулся на остальных. Девушка с пучком робко кивнула, и они первыми побежали к вертолету.

Когда они уже поднялись в воздух, парень, назвавшийся Томасом Пирром, все-таки решил поинтересоваться:

– Куда мы летим?

– Домой, – беспечно ответил Агарес.

– У нас больше нет дома, – хмыкнула строгая девушка с пучком, Софи Рейвен.

– Дом – это место, где вы нужны, вот мы туда и направляемся, – откликнулся Агарес.

Спустя несколько часов полета Алекс начал снижать высоту. В иллюминаторах показались едва заметные очертания самых высоких домов. Здания утопали в густом сером тумане. Постепенно их силуэты становились все отчетливее. Наконец самолет оказался на высоте чуть выше ста метров и стал кружить над крышей одного из зданий.

– Вы точно знаете, как приземляться? – прокричал Томас

Пирр. Он практически все это время простоял в кабине пилота.

– Понятия не имею, – еще громче проорал Алекс.

Колеса шасси с грохотом ударились о крышу здания. Они продолжали по инерции ехать по крыше. Вертолет удалось остановить лишь в тот момент, когда посадочная полоса в виде крыши длинного высотного здания почти закончилась. Все тут же поспешили покинуть кабину. Томас Пирр обошел самолет и устоял на шасси. Еще пара сантиметров – и они бы здесь не стояли.

– Тут совсем другое солнце, – сказал Руби, задумчиво разглядывая небо, усыпанное росчерками зарождающегося утра. Они стояли на крыше одного из самых высоких зданий острова и наблюдали за тем, как неестественно яркие лучи солнца постепенно окрашивают город в малиново-серые оттенки. Этот город несравнимо сильнее пострадал в войнах последнего века. Тут и там виднелись полуразрушенные небоскребы. Одни дома отделались легкой трещиной по всему своему бетонному телу, другие – лишились стены.

Софи Рейвен какое-то время стояла возле вертолета, не решаясь сделать даже шага вперед. Казалось, что если она его сделает, Чикаго навсегда исчезнет, а вместе с ним исчезнет и вся ее жизнь. Когда не знаешь, что делать, лучше всего сделать шаг вперед. Так говорила ее мать, выросшая в Лихачестве. Софи никогда не обладала и сотой долей ее смелости, поэтому девушка давно решила выбрать фракцию эру-

дитов. Потом не стало фракций, а в одной из подпольных лавочек девушка узнала о том, что она дивергент. В тот день Софи и познакомилась с Руби и Томасом. Так он, кажется, сказал. Новая жизнь – новое имя. Его девиз. Софи не хотела бежать из города, ей просто не оставили выбора. Она сделала первый шаг, а затем все-таки подошла к стоявшим на самом краю крыши Руби и Алексу Агаресу.

– Что теперь будет? – прошептала Софи, разглядывая руины чужого города.

– Никогда не спрашивай о том, что будет, Софи. Тебе могут ответить, – усмехнулся Алекс Агарес.

Вдалеке виднелся гигантский небоскреб. Узкий, как щепка, он каким-то чудом остался неподвластен времени и войнам. Весь созданный из стекол и железа, он буквально светился, отражая лучи утреннего солнца.

– Вот оттуда и начнем, – сказал Агарес.

– Вы объясните нам, что происходит, или нет? – взорвался самый старший член компании беглецов, Томас Пирр.

– Этому городу повезло меньше, чем вам, – ответил Агарес, подойдя к самому краю крыши. – Здесь людям стерли память. Часа полтора назад.

– Новый эксперимент, – то ли с ужасом, то ли с благоговением прошептала Софи Рейвен.

– А как же реальный мир? – хмыкнул мальчишка лет восьми.

– Ты видел реальный мир, – сказал Агарес. – Понрави-

лось?

Тот помотал головой.

– Ну, так и на черта тебе такая реальность? – поинтересовался Агарес.

– Кто-нибудь знает, чем занимался центр исследований, курировавший проект «Чикаго»? – поинтересовался Агарес. Ответ он знал, поэтому продолжил, даже не потрудившись проследить за реакцией на лицах бывших эрудитов.

Если умножить ДНК на прошлое человека, что мы получим в результате? Будущее. Вернее, мы получим точный ответ на вопрос, как человек поступит в той или иной ситуации. А если известна ситуация? Тогда можно просчитать и будущее. Разработка программы «Кассандра» началась, когда сам Агарес был не старше мальчишки, который так хотел в реальный мир. Тогда все вокруг посчитали ее чем-то средним между бредом сумасшедшего и никому не нужным мусором вроде автоматической овощечистки с выходом в интернет. Войны требовали совсем других изобретений, но кому-то все-таки удалось добиться разрешения на открытие лаборатории.

Когда Агарес пришел работать в центр, программа «Касси», так ее ласково стали называть ученые, была уже разработана и отлажена на нескольких городах-экспериментах. Прошлое, помноженное на ДНК, рождает будущее. Применяя эту формулу, программа считала будущее любого количества людей. Агарес занимался разработкой модели ново-

го общества, в котором больше не будет никаких социальных проблем. Все жизни будут подкорректированы, в соответствии с идеей Всеобщего Счастья и общественной пользы. Оставалось только одно – запустить ее.

– ...И сейчас для этого лучший момент, – заключил Агарес, с грустью разглядывая то, что осталось от его родного города. – Исходя из данных о вашем будущем, вы лучшие кандидаты для запуска программы. Я спрашиваю в первый и последний раз. Готовы ли вы создать новый дивный мир?

В лучах рассветного солнца изможденные и уставшие лица беглецов выглядели забавно. Они просто хотели скрыться от преследований, хотели начать все с чистого листа. Ничего больше. Сейчас у них просто не было выбора. Никто не хотел возвращаться назад. Пирр и Корса первыми решились кивнуть. Остальные последовали их примеру.

Агарес удовлетворенно усмехнулся и стал вглядываться в скрытые за туманом горы по окоемке города. Нужно было спуститься вниз и пройти к мерцающей бликами башне. Там, по плану города, должно было располагаться все необходимое для запуска программы по просчету будущего. Время было на исходе. Каждая минута, проведенная в бездействии, уменьшала шансы на успех. Но солнце продолжало величественно подниматься над новым миром. Туман, только что плотно скрывающий город, отступал. Вдалеке вырисовывались очертания гор. Руби, Софи, Томас и еще шестеро человек не в силах были сделать хотя бы шаг. Это была другая

вселенная. Казалось, что даже дышать здесь нужно по-другому. Сейчас все вокруг казалось не более чем глупым, но чертовски красивым сном. Шансы на успех таяли с каждым новым лучом солнца.

— За работу, — заключил наконец Агарес. — У нас полчаса на запуск.

Он повернулся и тут же нашел люк, ведущий к лестнице. Здание тюрьмы, на которое они приземлились, было разгромлено. Все камеры открыты настежь. Повсюду валялся мусор. На стенах надписи. То и дело встречались подтеки бурого цвета. Томас Пирр сразу догадался, что это кровь. Когда они наткнулись на труп какого-то бородатого мужика, он ничуть не удивился. Он все это уже где-то видел.

Прогулка по коридорам тюрьмы отрезвила их. Это точно такой же город, с такими же людьми, как и везде. А у них есть все козыри на руках.

Они были готовы к тому, что увидели, выйдя на улицу. Тут и там — следы погромов. Кое-где все еще полыхали костры пожаров, виднелись обрывки каких-то полотен с лозунгами, кое-где встречались раненные. Софи и Руби порывались им помочь, но Агарес пресекал все эти попытки. На это не было времени.

К башне, величественно возвышавшейся над городом, они добрались часа через два. Здесь была охрана. Трое хмурых парней чуть старше Руби с угрожающим видом двинулись на них.

– Все, кроме Руби и Пирра, исчезните, – прошипел Агарес. Руби Корса недоуменно посмотрел на него. Он явно драться не планировал, но, похоже, старик знал их лучше, чем они сами. Все, включая Агареса, исчезли за углом здания.

Один из охранников подошел к Томасу и протянул руку для захвата. Тот легко вывернулся и моментально уложил охранника на лопатки. Двое других тут же подскочили. Охранникам стерли память. Они понятия не имели, что должны делать. Но если чужаки бьют кого-то из своих, их надо остановить. Логика проста и понятна. Руби неожиданно для себя ударил одного из противников. Минут за пять это подобие драки завершилось безоговорочной победой.

Томас и Руби оглянулись и увидели, что все остальные уже идут к ним. Агарес одобрительно кивнул им и приказал подниматься на последний этаж.

Через несколько минут они вошли в огромный зал с купольной крышей. Сводчатые стены тут состояли из мерцающих и шипящих мониторов. Агарес тут же подошел к одному из компьютеров и начал загружать программу.

* * *

Им удалось. Прошрое, помноженное на ДНК, рождает будущее. Так просто. В их распоряжении были образцы ДНК всех жителей острова-эксперимента. Знание каждого следу-

ющего шага каждого из людей давало огромное преимущество. Единственное, чего не могла программа, – изменять будущее. Но корректировать изнутри никто не мешал. Всего за год они создали идеальный мир.

Они или программа? День за днем Алекс Агарес все чаще приходил к мысли, что это Касси их контролирует и направляет, а не наоборот. И все же этот мир поначалу со скрипом и грохотом все-таки пошел по своим рельсам.

Будущее каждого человека было прописано и просчитано. Все риски учтены и сведены к минимуму. Идеальная траектория. Единственно верная. К сожалению, даже в этом случае не все люди были одинаково счастливы.

Томас Пирр первым же делом загрузил в программу ДНК Руби, Софи, себя и остальных беглецов из Чикаго. Тем вечером он оказался в центре поддержки Касси один.

– Судьбы заданных элементов просчитаны, – раздался знакомый голос. Посреди комнаты появилось изображение той смелой девушки, разрушившей лучший из экспериментов.

– Ты можешь принять чью-нибудь еще внешность? – поморщился Томас Пирр. Языки пламени на его шее были почти полностью скрыты. Не было больше людей, помнивших его прошлое. Осталась только Касси. Насмешка над той, кого он так любил.

– Касси всегда знает, кого хочет видеть контакт, – бесстрастно ответило изображение. После чего она распалась

на карты будущего заданных людей. Томас не дольше пары минут изучал эти карты. На большее просто не хватило выдержки.

– Заблокировать данные, – приказал Пирр, еле сдерживая холодную ярость, которая, казалось, сейчас потопит его.

Пирр вышел из центра и тут же натолкнулся на безразличный, какой-то рыбий взгляд Агареса. Не зная, как оправдать свой потрясенный вид, Пирр решил начать расспрашивать Алекса о новой системе уровней. Придумка Касси была уже почти готова. Вскоре они должны были разделить людей по их интеллекту. Так, по расчетам, люди должны были вплотную приблизиться к Всеобщему Счастью. Уловка сработала. Агарес моментально забыл о том, где встретил Пирра.

Оказавшись на вершине, перестаешь видеть людей. Они теряются в сумраке статистики. Очень скоро Алекс, Руби, Софи и Томас превратились в сервисы, поддерживающие систему под названием Касси. Мир требовал нового порядка и новых правил. Остров поделили на сектора, а людей на уровни. Томас Пирр упорно называл их сортами. В зависимости от коэффициента интеллекта человеку стали присваивать уровень. Введение новой системы повлекло за собой беспорядки. Их благополучно подавили, но проблема носила системный характер.

– Людям нужен выбор. Шанс изменить свою жизнь, – задумчиво проговорил Руби, изучая статистический отчет.

– Иллюзия выбора, ты хотел сказать, – поправил его Ага-

рес.

– Как угодно, – откликнулся Руби.

Интеллект Руби Корса зашкаливал за грань разумного. Он был способен просчитать любую схему просто потому, что совершенно не понимал, почему все остальные видят в этих цифрах людей. Софи обладала тем же качеством, но с ней, в отличие от Руби, не должно было возникнуть проблем.

* * *

– До сих пор не верю, что мы все это создали, – пробормотал Томас Пирр.

Они устроили на крыше небоскреба своего рода зону отдыха. Алекс Агарес в своем неизменном безупречно-белом костюме стоял, опершись на бортик крыши. Томас Пирр и Софи сидели, прислонившись к противоположной стороне заграждения. Они безучастно наблюдали за тем, как Руби всеми силами пытался очаровать невероятно красивую девушку по имени Арника. Он познакомился с ней пару месяцев назад и с тех пор потерял все навыки логического мышления. Он вообще не мог говорить и думать ни о ком, кроме Арники.

Руби, со своим будто вырубленным из деревяшки лицом и сломанным в двух местах носом, рядом с Арникой смотрелся комично. Впрочем, девушку это не волновало. Она наслаждалась своим отражением в чужих глазах. Ее это отра-

жение устраивало.

Агарес повернулся к ним лицом. Его глаза горели хищным огнем победителя. Он получил все, о чем мечтал. Они все это получили. Софи рефлекторно поежилась от этого взгляда и переключила свое внимание на Руби и Арнику. Томас протянул руку, чтобы обнять ее.

– Лучше не стоит, – резко ответила она.

– То есть ты хочешь сказать, что я настолько хуже Руби? – спросил он.

– Настолько, – серьезно ответила Софи. – Ты мертвый.

– Что? – поперхнулся Томас.

– Знаешь, я верю, что в каждом человеке есть нечто такое, что нельзя посчитать. Не самая важная его часть, вообще никому не нужная и едва заметная, но она есть. Она делает нас людьми. Но не всегда. У некоторых эта часть умерла. Ты такой. Ты просто формула. Прости, Томас, я не хотела...

– Все нормально. Ты права. Мне хочется верить, что эта часть в лучшем из миров. Сидит сейчас и наблюдает в старом кинотеатре за мной, – ответил он.

– Ты уверен, что новый закон об отношениях так нужен? – чуть помедлив, поинтересовалась Софи.

– Мы уже просчитали это. Все родители уродуют своих детей. Государство способно обеспечить детям равные условия существования. Так нужно. Я больше не хочу об этом говорить.

Томас и Софи вновь уставились на очаровательных Руби

и Арнику. Корса почему-то выпустил из рук ладонь девушки и уставился на браслет. Техника на острове была развита намного лучше, Руби приходил в щенячий восторг от всех этих браслетов, заряжающихся от самого человека. Сейчас еле мерцающая проекция на его ладони явно выбила его из колеи. Корса что-то сказал Арнике. Девушка надула губки и с видом мировой обиды на лице направилась к выходу на лестницу. Руби расстроенно посмотрел ей вслед, но побежал все-таки к Томасу и Софи.

Ничего не говоря, он молча развернул две проекции. Полотна с мигающими числами повисли в воздухе.

– Это значит... – прошептал Томас.

– ... Война, – закончил за него Руби.

– И дивергенты, – чуть не расхохотался Томас.

– Притом два.

– Асцендент и дисцендент, – тихо проговорил подошедший к ним Агарес

– Что?

– Точка восхода и точка заката, – пояснил Руби. Он и сам не знал, где слышал эти слова.

– Если их устранить, можно избежать войны? – поинтересовался Томас. Алекс Агарес покачал головой:

– Один – начало, другой – конец. Кто-то из них способен изменить правила игры, но, если их убить, проиграют все.

– Что тебя так веселит, а? – еле сдерживаясь, поинтересовался Томас.

– Потому что так всегда бывает. Покой означает смерть – закон природы. Кто-то из них найдет способ изменять будущее. То, чему мы так и не смогли научиться. По факту, это даже не люди, а программы. Нужно сделать так, чтобы они оказались на нашей стороне.

– Ника Морган или Макс Линч... Почему нельзя определить, кто из них кто? – полюбопытствовала Софи.

– Понятия не имею, но, судя по всему, они станут нашим последним шансом, – пробормотал Руби, изучая графики на проекции. Из-за слабого свечения браслета все эти графики отражались на его лице. Яркие светящиеся линии напоминали паутину.

Агарес тут же потерял всякое подобие улыбки на лице. Он подошел к бортику крыши и с силой ударил кулаком по бетонному ограждению.

– Почему ты так уверен, что они примут нашу сторону, их же нельзя посчитать? – поинтересовалась Софи.

– Ни в чем я не уверен, – отмахнулся Руби, разглядывая результаты подсчетов Касси.

– Мы с ними сыграем, – Агарес обернулся и одним движением стер проекции.

Глава 1

Через шестнадцать лет

Всем привет. Меня зовут Ника Морган. Я терпеть не могу историю, обязательные исповеди в Сеть всеобщего доверия и собственное будущее. Оно у меня, прямо скажем, сомнительное. Девяносто процентов на то, что стану какой-нибудь официанткой в заводской столовой. Пятый уровень производственного сектора. Здесь, знаете ли, никаких перспектив. Нет, конечно, во имя Всеобщего Счастья всем нам посчитают правильное будущее, но как-то эйфории от этого факта у себя не наблюдаю.

Новое кастовое общество было образовано восемнадцать лет назад. Благодаря ему Единое государство буквально по кирпичикам собрало разрушенный войной мир. О самой войне нам никогда не рассказывали, равно как и о том, что было до нее. Теперь будущее каждого человека посчитано и скорректировано согласно идее Всеобщего Счастья. Сферы деятельности человека разделены на уровни и сектора, которые образуют круг счастья. В сердце круга – власть. Это и есть первый уровень. Теперь государством управляют умнейшие люди мира, свободные от личных привязанностей и

думающие только об общественном благе. Наверное... Нас так учили. Почти двадцать лет назад были запрещены браки и семьи. Государство взяло на себя все хлопоты по воспитанию детей. Никто больше ни к кому не привязывается. Личные отношения не приветствуются, хотя пока и не под запретом. По достижении шестнадцатилетия ты получаешь свою карту будущего, работу и обычно рекомендованный контакт на ближайший год. За ним выделяют новый. Бывает, что не выделяют, если из-за этого ты станешь меньше пользы приносить.

Мы с Максом весь день потратили на поиски подходящих деталей. Бродили по заброшенным домам и разгребали хлам. Если честно, это занятие доставляло массу удовольствия. Здесь можно было найти настоящие книги, старые, до ужаса смешные и цветастые наряды, технику странного вида и непонятного назначения. Да все, что угодно. Эти дома были брошены их обитателями задолго до нашего рождения. Ходить сюда строго запрещалось, но мы все еще имели статус детей. Еще пару недель можно нарушать любые законы и не бояться отправки в Тортур. Главная тюрьма находилась в другой части острова, в зловещем поведенческом секторе. О тюрьме ходили леденящие кровь легенды, которые подкреплялись одним простым фактом – оттуда еще никто и никогда не возвращался.

Разрушенные территории, по которым мы бродили, располагались на пятом уровне производственного сектора. Са-

мая нищая часть острова. Здесь на каждом свободном квадрате площади располагались заводы. Производили все, что только можно. Шестнадцатичасовой рабочий день лишал всяких сил. Лицеи были своего рода оазисами свободы. Там водилась какая-никакая еда, и здания были более или менее пригодными для жизни. А еще у воспитанников была такая удивительная роскошь, как свободное время, которое большинство из нас тратило на такие вот вылазки в заброшенные территории.

Найденный хлам можно было продать за еду, одежду и тому подобные бонусы. Через две недели мы должны будем покинуть лицей, пройти тест на интеллект и получить свою карту будущего. Мы набрали на очередную квартиру, которую давно оставили люди. Здесь было очень много старой техники, книг и пыли. Судя по всему, сюда еще никто из воспитанников лицея не добирался. Странно. Линч взял из стопки первую попавшуюся брошюру и раскрыл ее на середине:

– «“Если ты приручишь меня, мы будем нужны друг другу. Для меня ты станешь единственным во всем мире. И для тебя я стану единственным во всем мире”, – сказал Лис Маленькому Принцу...». Забавно, – усмехнулся Макс, – Ну что, Ника, мы приручили друг друга?

– Иди к черту, – поморщилась я и ушла в другой конец комнаты. Минут пятнадцать я молча разгребала завалы хлама.

– Как думаешь, какого мы уровня? – спустя какое-то время поинтересовалась я.

– Первого, конечно, – усмехнулся Макс. – Мы рождены, чтобы управлять людишками.

Я запустила в него толстенной книгой, очень кстати повернувшейся под руку. Фраза Линча прозвучала очень глупо. Людей первого уровня от силы сотня наберется. Второго уровня, они в основном в науке задействованы, тоже немного. Но на третий уровень рассчитывать было уже можно. Хотя это и самонадеянно. Обычно люди получают тот уровень, на котором выросли.

– А если мы окажемся в разных уровнях и секторах? – жалобно поинтересовалась я, когда мы закончили кидаться друг в друга разным хламом и снова взялись за поиски пригодных для продажи деталей.

– Тогда я позабочусь о старом Вассаго, а ты там на первом уровне похлопочешь за нас, – ответил Макс.

Это еще больше расстроило. Старый дед Вассаго всегда выручал нас, да и глупого Бранти тоже. Вот уже шестнадцать лет подряд. Недавно Вассаго сломал ногу, а в условиях производственного сектора и, учитывая его возраст, это означало очень скорую смерть. От голода. Собственно, именно из-за них с Бранти мы с Максом вот уже второй месяц подряд, как оголтелые, шатались по заброшенным домам в поисках ценных находок. Мы хотели купить им еды и оставить побольше товаров, чтобы хватило, пока дед не поправится.

Будущее Бранти волновало еще больше. Не всем в Новом обществе нашлось свое место. Некоторые были слишком... глупы и бесполезны. Бранти был из числа таких. Это сразу было понятно, как только он появился в лицее. Ему было тринадцать. На пару месяцев младше нас с Максом. Уже не помню, почему Бранти перевели к нам. Над ним все посмеивались, и мы с Максом в том числе.

В тот день я и Линч нашли своего первого клиента. Бранти зачем-то увязался за нами. Мужчина хотел снять с себя проекционный браслет. Согласно карте его будущего через год он должен был преступить черту закона. Таких людей государство утилизировало до момента свершения первого преступления. Именно поэтому многие хотели снять с себя браслеты и тем самым выгадать себе пару-тройку лет жизни вне закона. Линч отлично ладил с техникой. Мы досконально изучили эти браслеты и сейчас хотели попытаться снять один такой. Для этого нужно было очень аккуратно отсоединить его от кровеносной системы человека. Если бы получилось, это могло бы сделать нас богачами. Мало того, что мужчина обещал заплатить огромную для нас сумму, так еще можно было бы продать браслет, если он останется цел. Мы почти закончили, когда из-за угла показался наш куратор. Заметив что-то подозрительное, он направился к нам.

– Бежим, – шепнул мне Линч.

Я оглянулась на Бранти. Тот поднял руки вверх и вышел навстречу куратору, тем самым закрыв нас от него. Линч

дернул меня за руку, и мы успели спрятаться за углом, оставив того мужчину и Бранти разбираться с надзирателем.

– Как тебе это удалось? – послышался грубый голос куратора. Я живо представила себе, как куратор трясет перед Бранти снятым браслетом.

– Хотел попробовать, – беспечно отозвался Бранти, – как-то получилось. Теперь вот хотел вам показать...

Этот случай навсегда сделал нас с Бранти лучшими друзьями. Для того мужчины все обернулось плачевно. Его все-таки утилизировали, а вот Бранти заслужил уважение куратора. Он доказал ему, что не такой уж и debil, раз умудрился отсоединить браслет.

– Зачем ты это сделал? – мы с Максом набросились на него, как только куратор скрылся из вида.

– Вы умные, у вас хорошее будущее, а мне все равно терять нечего, – беспечно сказал он. У меня от этой фразы комок в горле появился. Возможно, Бранти и не был особенно умен, но он совершенно точно мог принести пользу обществу. Он был достоин жить. Оставалось надеяться на то, что программа «Касси» посчитает также.

Все шло хорошо. И вот сейчас нам исполняется шестнадцать. Не знаю, хочу ли я попасть на какой-нибудь третий уровень. Тогда Вассаго и Бранти окажутся предоставлены сами себе. А скоро Бранти пройдет тест. Если программа не найдет ему достойного применения, его просто утилизируют. Я поежилась.

– О тесте думаешь? – сочувственно поинтересовался Линч. Я помотала головой и сделала вид, что сосредоточена на какой-то коробке. – Ника, давай пообещаем друг другу, что не будем искать встреч после теста. Даже если окажемся на одном уровне, нам не разрешат общаться, – безжалостно продолжал Линч. До этого мы предпочитали не вспоминать об этом.

– Придумаем что-нибудь, – отмахнулась я.

– Но не сразу. Это слишком опасно. Все наши игры с законом рано или поздно закончатся. Лучше их закончим мы, чем это сделают за нас.

– Прекрати. Мы всегда что-нибудь придумывали, – не выдержала я. Линч все-таки потребовал с меня обещание не заигрывать с законом.

Спустя пару часов мы вышли из этой квартиры до предела загруженные товарами. Покупатель пообещал сегодня привести клиента. Учитывая количество товара, можно было надеяться на то, что все-таки удастся помочь старому Вассаго.

Мы сразу увидели возле кирпичной стены сектора двух мужчин. Наш постоянный покупатель, мужчина лет тридцати, из военного сектора, с выцветшими глазами, помахал нам рукой. Рядом с ним стоял худощавый парень в каком-то тряпье. Он явно нервничал. Ходил из стороны в сторону и не выпускал изо рта сигарету.

– Что так долго? – недовольно поинтересовался покупатель. Его имени мы не знали. Лишняя информация никому

не на пользу. Судя по метке на руке клиента, он был третьего уровня, тоже военный. Информации более чем достаточно.

– Так вышло, – ответил Макс.

– Давайте за дело, юные гении, – скомандовал мужчина третьего уровня. Я про себя отметила, что на его метке значилось 163 балла интеллекта. А снять браслет не способен... Может, и повезет оказаться в элите.

Я никогда не понимала этих странных людей, желающих снять свой браслет. Модифицировать – понятно зачем, а так глупо протестовать против власти? Зачем? Все равно ведь окажутся за решеткой или будут утилизированы. Изменить свое будущее никому не под силу. Впрочем, какая разница? Флаг им в руки. Главное, мужчина сейчас заплатит за эту маленькую услугу. Я достала лезвие, допотопный прототип скальпеля, и протерла его салфеткой. Сделала небольшой надрез и повернулась к Макс. Тот кивнул и набрал пару комбинаций. Браслет противно запищал. Я аккуратно потянула его на себя. Из запястья владельца показалось два тонких, едва заметных провода. Через мгновение браслет был уже снят. За спиной раздался громкий хлопок. Затем еще один. В воздухе запахло жженым порохом. Мы не сразу сообразили, что произошло. Тощий парень вдруг откинулся к стене и рухнул, словно мешок мусора. Похолодев от ужаса, я обернулась.

– Гасион Бал, поведенческий сектор, второй уровень, отдел контроля поведения, – представился парень, немногим

нас старше. Его лицо не выражало никаких эмоций. Одет он был в черную кожаную куртку и черные джинсы. Мог бы и не представляться. Черная одежда – метка поведенческого сектора. Они практически никогда другой цвет не носят.

– Штатный киллер, – нагло хмыкнул Макс и помахал чистым запястьем. – Не имеешь права, мы дети.

– Да мне плевать. Был бы приказ. Валите отсюда, пока я добрый.

– Почему... почему нельзя было их арестовать?! – возмущилась я.

– Потому что по карте его мозга, начиная с этого дня, они представляли государственную угрозу, – спокойно пояснил Гасион Бал. – Всего хорошего.

Макс взял меня за локоть и слегка подтолкнул. Я еще какое-то время неотрывно смотрела на «штатного киллера», как его только что обозвал Макс, но потом все-таки пошла за Линчем. Вернулись в лицей мы поздно вечером.

– Нужно заполнить лист, – пробормотал Макс, когда мы подходили к черному входу лицея. Я бессильно уселась на ступеньку и включила проекцию, предоставив Линчу возможность заполнить лист всеобщего доверия. Каждый должен был ежедневно делиться с государством своими сокровенными мыслями. Это считалось добровольным жестом, но если несколько дней не вести дневник, тебя направят на психиатрическое освидетельствование. Ну а дальше уже, скорее всего, в Тортур как потенциального преступника, в лучшем

случае просто сумасшедшим признают.

– Что писать? – поинтересовался Макс.

– Не знаю, напиши о том, как я ежика в лесу встретила.

– Ничего, что ты восьмой день подряд ежей встречаешь? Мне кажется, что скоро тебе придет ответ со второго уровня: «Ежик сдох, дура».

– Ну и что? Не запрещено. Имею полное право встречать ежей любое количество раз.

– В одном и том же лесу, на одной и той же поляне?

– Имею право, – повторила я.

Глава 2

– Добро пожаловать в центр исследований «Силенциум», – возвестил громкоговоритель. После чего послышался грохот опускающейся двери. В момент, когда она почти коснулась пола, мне пришлось подавить в себе желание сбежать. Свойство человеческой природы... Когда дверь закрывается, хочется оказаться на свободе. Пора бы уже начать запоминать поведенческие законы. Мне слишком повезло, чтобы терять время впустую.

Нас приветствовал Томас Пирр. Один из трех людей первого уровня, возглавляющих поведенческий сектор. Худой мужчина лет сорока в белом костюме, который ему совершенно не шел. Все люди первого уровня носили белое. Считалось, что это символизирует отсутствие каких-либо личных интересов. Они слишком умные, чтобы их иметь. Весь он был олицетворением силы, власти и какого-то вселенского спокойствия. За его спиной и возле каждой стены стояли операторы, снимающие новостной блок о новоприбывших в поведенческий сектор. Пирр вдруг зачем-то отвернулся, и я с удивлением увидела выглядывающие из-под глухого ворота татуировки. Ну надо же. Даже он, существо высшего сорта, когда-то был человеком.

Я скосила глаза в сторону и увидела Макса, который с таким же благоговейным трепетом слушал одного из трех ру-

ководителей сектора анализа и контроля поведения Томаса Пирра.

Кроме Макса, у меня здесь не было знакомых. Из лица 21, уровень 5, только мы попали сюда. Прошли тест IQ, по результату которого нас определили на второй уровень поведенческого сектора.

– ...Вы уже прошли тест на интеллект, сегодня вы получите свои карты будущего, метки и новые браслеты. Не важно, откуда вы сюда поступили, – Пирр вперился в меня своим цепким взглядом. По всем правилам нужно было отвести глаза. Черт. Нужно было опустить голову... – Теперь вы люди второго уровня, – продолжил он. Ненужную паузу в речи заметила, похоже, только я. Или просто показалось, что была пауза? – Второй уровень поведенческого сектора занимается наукой и общественным благоустройством. Вы будете определять, что нужно покупать, что есть, как одеваться, о чем думать. Если уж в глобальном смысле. Вершиной нашего развития, системой просчета будущего и корректировки судеб, достойны заниматься немногие. Чтобы исключить возможность ошибки, мы решили провести повторный тест, – по рядам пробежал тихий шелест недовольных голов.

– Не проще сказать, у кого здесь высший балл, да и все? – парень, стоявший рядом со мной, решился озвучить мнение большинства. Операторы тут же повернулись в его сторону и стали снимать его испуганную физиономию крупным пла-

ном. На его бейджике было написано «Синто Хейз». Забавное имя. Второй уровень химического сектора, судя по синей одежде.

– Имя? – с неизменно брезгливым выражением лица поинтересовался Томас Пирр. Парень представился. Пирр удовлетворенно кивнул и продолжил свою речь. Суть ее сводилась к тому, что всего несколько человек станут сотрудниками центра поддержки «Касси», остальные будут так, полы подметать да вопросами моды заведовать.

– ...Вашим непосредственным руководителем отныне будет Алекс Агарес, – подытожил Пирр. Тут к нам вышел вековечный старец. Агаресу было, по меньшей мере, лет семьдесят. На лице его не читалось ничего, кроме скуки. Глубокие морщины рассыпались от уголков его глаз. Бледная кожа на фоне белой одежды первого уровня смотрелась болезненно. В отличие от Пирра он обладал куда более зловещей славой. Алекс Агарес занимался центром поддержки Касси. Именно он решал, кому умереть, кому отправиться в Тортур, а кому жить с миром и своими мелкими, никому не интересными преступлениями. Алекс Агарес обвел всех присутствующих цепким взглядом и жестом приказал следовать за ним.

Я подождала, пока основная часть народа пройдет, нашла глазами Макса, кивнула ему и поспешила догнать остальных. В зале осталось несколько операторов, уже выключивших свои камеры и намеревавшихся поскорее убраться из этого слишком мрачного места.

– Что ты ему сделала? – прошипел мне на ухо Макс.

– Кому? – таким же злым шепотом поинтересовалась я.

– Пирру. Он всю речь тебя взглядом буравил, такое ощущение, что убить хотел.

– Может, потому, что я слишком умная?

– Вряд ли.

– Серьезно. 174 балла. Я попросила определить на второй уровень.

– Но это же показатель первого, – Макс был так шокирован, что даже остановился. Идущий следом за нами Синто смешно врезался в него. Парень зло чертыхнулся и обошел Линча.

– Мы имеем право просить понижение уровня. Здесь я добьюсь большего, – ответила я.

– Дура, – заключил Макс. – Первый уровень – это власть. Ты могла попытаться... изменить все.

– У тебя 173 балла, Линч. Невелика разница.

– Это другое, – тут же запротестовал он.

Колонна остановилась. Мы оказались в последнем ряду. Рост мне никак не позволял видеть то, что происходило впереди, оставалось только слушать бесцветный голос Агареса. Он сообщил, что сейчас все пройдут тест на понимание поведенческих законов. Как можно понимать то, что никогда даже не изучала, не понимаю. С другой стороны, все остальные здесь тоже ни черта не понимают. Да у нас с Максом был самый плохой из возможных лицеев. Среди всех при-

сутствующих я нашла только пару человек третьего уровня, остальные все со второго и первого. Мы с Максом с пятого. С другой стороны, у нас максимально возможный интеллект. Отличный бонус.

Алекс Агарес провел браслетом по идентификатору входа, и двери в гигантский зал открылись. Все стены здесь были из материала, имитирующего стекло. Сквозь гигантские панорамные окна, разделенные тонкими черными линиями, виднелось все величие острова. Из-за нехарактерной для здешних мест солнечной погоды можно было даже разглядеть очертания гор по окаемке города. Проекции, но очень похожие на реальность.

По всему пространству зала на равных расстояниях друг от друга были установлены кресла, возле которых лежали проекционные очки. Так у каждого будет своя проекция и свои иллюзии, подсмотреть невозможно. Задачи формируются исходя из баллов и карты мозга. Точно так же, как в тесте на интеллект, ничего нового.

– Удачи, – бросил Агарес напоследок. Он посмотрел на нас и чересчур быстро вышел. Я оглядела присутствующих и стала ждать, когда кто-нибудь пойдет к креслу. Остальные ждали того же.

– Морган, пойдем, займем лучшие места в партере, – хмыкнул Макс и стремительно двинулся к креслу, расположенному прямо возле прозрачной стены. Я села в такое же кресло в следующем ряду, с сомнением взяла в руки очки

и повертела их в руках. Как только я все-таки решилась надеть их на себя, программа возвестила о начале теста. Перед глазами появилась надпись: «Вам предлагается пройти лабиринт сознания». Сориентироваться удалось достаточно быстро. Это напоминало игру. Оказываясь в той или иной жизненной ситуации, я выбирала максимально полезное решение и подбрасывала нужное воспоминание, которое тут же встраивалось в ситуацию. Пару раз я прибежала в тупик. Один раз загорелся красный свет, означающий, что уровень счастья минимален. Несколько раз программа приводила меня в ситуацию «выбора». Поезд, полный людей, мчится на бешеной скорости, а на дороге стоит какой-то лунатик. Что делать? Убить лунатика или попытаться его спасти ценой жизни и здоровья десятка людей в поезде? Я точно знала, как ответить на этот вопрос, и без колебаний выбрала людей в поезде. Затем задача усложнилась тем, что на рельсах оказался ребенок. Один раз я выбежала к машине, на которой можно было спастись от цунами. Когда я уже завела машину, вдалеке показался отчаянно машущий руками человек. Я поехала вперед. В боковом стекле отражалась дикая и в то же время чудовищно реалистичная картина. Гигантская воронка постепенно проглатывала все живое на своем пути. Машина ехала достаточно быстро, чтобы попытаться спастись. Я резко ударила по тормозам и открыла двери. Шестеро человек. Один из них Линч. Это он отчаянно махал руками посреди дороги. Остальные были на это не способ-

ны. Раненые, чудом уцелевшие люди начали набиваться на заднее сиденье машины. Тут я поняла, что в машине не хватает места для всех. Какая-то бабка уже выталкивала меня с водительского сиденья. Ответ очевиден. Я резко открыла дверь машины и вывалилась на асфальт. Встать мне помог Линч. Отряхнувшись, я встала. Машина отчаянно взвизгнула и рванула с места. Я оглянулась на Линча. На его лице, словно на плохом зеркале, отражалось цунами. На этом программа выбросила меня из лабиринта.

Тест я прошла минут за десять. После чего сняла очки и стала щуриться от слишком яркого солнца. Оказалось, что я закончила первой. Следующим был Макс.

– Ну как? – поинтересовался Макс.

– Сейчас уже не уверена, что хорошо, – пробормотала я.

Если мы закончили первыми, может, мы просто сделали что-то не то? Ошиблись? Неправильно поняли задание. Мы ждали минут сорок, периодически перекидываясь ехидными замечаниями по поводу глупых выражений лиц людей в очках. Чем больше нарастала тревога, тем более ехидными делались наши замечания. В конце концов, нам надоело здесь сидеть, и мы двинулись к выходу из зала.

– Ключа у нас все равно нет, – заметила я.

Только сейчас я ощутила, как вымотал этот тест. Глаза буквально закрывались от усталости. Линч задумчиво постукал пальцем по идентификатору, и на нем загорелась надпись: «Введите свое имя».

– Все всегда проще, чем кажется на первый взгляд, – усмехнулся Линч и вписал два имени.

Двери распахнулись, и мы буквально врезались в Алекса Агареса. Я слишком шумно вздохнула, а Макс по инерции сделал шаг вперед. Агарес стоял, прислонившись к стене, и буравил глазами двери в ожидании человека, который выйдет первым. Вид у него был такой, что я не удивилась бы, если бы у него в руках оказался пистолет.

Глава 3

– Жилой отсек на третьем этаже, – сообщил он, смерив нас тяжелым взглядом.

– Похоже, у нас появился шанс занять лучшие комнаты в блоке, – пробормотал Макс, стараясь не смотреть вслед удаляющемуся Агаресу.

– Угу, и шанс на худший результат в тесте, – пробормотала я.

– Морган, прекрати, нельзя всегда предполагать все самое худшее. Надежда умирает последней, – не особенно уверенно запротестовал Макс.

Мы достаточно долго петляли по одинаковым коридорам «Силенциума», прежде чем нашли лифт.

На третьем этаже сориентироваться удалось гораздо быстрее. Здесь располагались жилые блоки, столовая, какие-то технические помещения. Первый же встреченный здесь человек указал нам нужный коридор.

– Похоже, я сойду здесь с ума, – простонала я, когда мы добрались до места. Вид жилых комнат, мягко говоря, не впечатлял.

– Я с тобой, – пробормотал Линч, с тем же унылым видом оглядывая свою комнату. Белые стены, черная кровать, черный экран во всю стену, на котором сейчас горело только приглашение на церемонию идентификации, черная дос-

ка-полка, вживленная в стену, и стол на переплетенных друг с другом металлических ножках. Унылое и предельно стерильное зрелище.

– Ежедневно мы будем работать по шестнадцать часов. Государство будет рекомендовать нам текущего партнера, оптимальных друзей и наиболее соответствующие нам иллюзии и книги. Причем мы сами еще не будем знать, понравится нам иллюзия или нет, а в нашей карте это уже будет прописано. Радует одно: если мы сойдем с ума, то хотя бы будем заранее знать дату начала безумия, – Линч говорил медленно, но с каждым словом его речь становилась все более эмоциональной. Под конец он ударил кулаком по стерильно белой стене.

– Не факт, что будем, – напомнила я, – в карте не указываются сведения, способные ухудшить качество текущей жизни.

– По мне так вообще знание собственного будущего как-то не улучшает текущий момент.

– Во-первых, все равно наши жизни уже были посчитаны. Ты можешь отказаться получать свою карту, никто не запрещает.

– С начала Нового времени таких чокнутых еще не было, – хмыкнул Линч.

– Будешь первым.

– Хватит уже того, что ты отказалась от первого уровня. И так в шаге от Тортюра, – пробормотал Линч. Он медлен-

но подошел к панорамному окну – единственному украшению моей комнаты. В поведенческом секторе, как я успела заметить, очень любят стеклянные стены. В окнах отражалась идиллическая картина города, утонувшего между грядой гор. Эти скалы были так далеко, что почти все время скрывались за пеленой тумана. И все же, они были достаточно близко, чтобы то и дело можно было видеть их очертания.

– Меня пугает Алекс Агарес. Мне кажется, что он нас ненавидит, – сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.